

Айнс, цвайн, драй!¹

Человек в красивом белом мундире отошёл к столу-бюро у окна, как обычно держа левую руку за спиной, слегка двинул стул, будто намереваясь присесть. Передумал, принял степенную позу, жестом разрешив: «продолжайте».

В этот раз на Вильгельме II был надет длиннополый сюртук Фридриха Великого, а стоящий напротив посетитель мог видеть сразу две фигуры в этом старинном прусском одеянии — самого кайзера и краем глаза его же отражение в большом напольном зеркале².

Убранство приёмной залы носило на себе отпечаток долгой истории и того строгого немецкого порядка, который, в конце концов, стал нарицательным. А прочие финтифлюшки лишь подчёркивали это, намекая, что и сухому германскому педантизму не чуждо чувство прекрасного. Пусть порой и весьма лаконичное.

Свет, умеренно вливаясь сквозь высокие зауженные проёмы окон, позволял хозяину кабинета быть на виду во всём великолепии... и в то же время привычными тенями удачно прятал то, что не следовало выставлять напоказ³.

¹Eins, zwei, drei (нем.) — раз, два, три.

²Вильгельм любил подобные исторические маскарады с мундирами великих предков.

³От рождения у будущего кайзера была повреждена левая рука, что так и осталась увечной. Это пожизненное уродство им тщательно скрывалось.

Начальник службы имперской разведки подавил першение в горле, перейдя к следующему пункту доклада:

— Само предприятие с переходом северными ледяными широтами на Тихий океан просчитывалось анализом и прогнозами как весьма сомнительное... — хотел добавить, мол, «чёрт знает, на что способны эти русские», но, естественно, не посмел, чеканя сухим военным языком: — Непосредственное наблюдение по месту было возложено на агентов из членов экипажа парохода «Роланд».

И не только.

В последний момент удалось заключить контракт, разместив на одном из вспомогательных судов северного отряда Небогатова–Рожественского станцию беспроводной связи фирмы «Телефункен».

Аппаратура сложна в управлении, поэтому по договору, дабы подготовить русский персонал, на судно были прикомандированы технические специалисты компании, куда мы включили нашего офицера из третьего бюро разведки.

Саботируя адекватное обучение русских телеграфистов, мы рассчитывали, что это вынудит оставить сотрудников «Телефункен» при станции, и наш офицер сможет проследить весь северный маршрут. Если таковой будет удачным... Однако, несмотря ни на что, наших людей ссадили в Александровске, что на Коле, и эта ниточка оборвалась.

Что касается «Роланда» — пароход вынужден был уйти с угольщиками компании НАРАГ.

Вильгельм на миг выключился, погрузившись в воспоминания.

Изначально он лишь с недоумением смотрел на всю эту северную эпопею, затеянную кузеном Ники.

Война для русских началась неудачно, и кайзер двояко относился к такому развитию событий. С одной стороны, военные неприятности ослабят потенциально опасного соседа, что уже неплохо, с другой — проигрыш в войне приведёт к утере позиций России на Дальнем Востоке и возвращению к западным и южным направлениям, что было совершенно не в интересах Германии.

Когда поднялась шумиха с застрявшими во льдах кораблями, он как мог подбодрил Ники. И даже почувствовал по-человечески... и по-родственному, отослав телеграммы поддержки.

Хотя, если быть честным, эта возня с северным походом, странные слухи и не менее странное и пристальное любопытство англичан немного настораживали! В связи с чем были и доверительные письма в Санкт-Петербург с целью прозондировать почву, надеясь, что Николай II в личной переписке даст более пространственные и откровенные ответы: что же там вообще у него происходит со всей этой рискованной причудой северного перехода.

Ники отписался! Так же по-родственному, почти простодушно, но с явно византийской изворотливостью.

Левый, закрученный кверху ус кайзера перекосило вместе со слегка презрительной улыбкой — он никогда не считал Николая слишком умным, как и особо искушённым в политических интригах. «Управляя варварской страной, он слишком ослабился...»

А сравнивая, например, с Эдуардом VII — по-родственному и в плане противостояния держав, он не полагал русского царя и достойным противником, находя силу России лишь в многочисленности её армии. Впрочем, по выучке далёкой от идеала.

«Если будет надо, я переступлю и через одного, и через другого!»

За мыслями император не заметил, что снова стоит перед зеркалом, держа осанку и, что уж там... любясь своей выправкой.

* * *

Затронув в повествовании германского императора Вильгельма II, стоит сказать, что этот человек во всём олицетворял собой исключительно германский, прусский... истинный дух милитаризма.

Возможно, в такой постановке — «истинно прусский милитаризм» — просматривается нечто субъективное, предвзятое, и те же самурайско-японские, или наполеоно-французские, или карло-шведские вояки не менее грозны и воинственны.

А может, всё дело в фонетике или же самой топонимии немецкого языка — обертонов, взрослых из времён диких гуннов, взывающих соплеменников к отваге, лающими выкриками устрашающих врага. Впитавших в себя и мифы Нибелунгов, и наследие легионов Римской империи.

И потому военные речи, что Фридриха Великого, что Бранденбургского, что очередного будущего фюрера под лязг затворов марширующих войск, столь идентично характерны и неотвратимо brutальны.

Но вернёмся к последнему кайзеру Германии.

Имея врождённый физический дефект и подвергшись в детстве поистине мучительным попыткам излечения, Вильгельм II сумел воспитать в себе исключительно железную волю¹.

¹Да. Бедного мальчика буквально мучили электросудорожной терапией, руку растягивали и спрямляли с помощью специальной «рукораспрямительной машины». К этому стоит ещё добавить лечение специальными корсетами от врождённой кривошеи. Посочувствуй.

Формирование характера и психики в столь непростых условиях, естественно, потянуло за собой ряд качеств и комплексов, совместив в будущем монархе всю ту же природную немецкую воинственность, манию величия и депрессивность.

Взятый курс на великодержавность (уже в статусе кайзера) не мог не привести Вильгельма к военным столкновениям с соседними странами. Что с точки зрения правящей германской верхушки выглядело оправданным, учитывая прямые интересы империи, с оглядкой на извечных противников и вероятных союзников, следуя течениями геополитики.

К этому можно добавить (со слов британских историков «о себе любимых»), что Вильгельм II испытывал ненависть ко всему английскому. Впрочем, однажды он скажет, что «немцы ненавидят в равной степени и русских, и англичан, и французов, и японцев».

Однако продолжим.

* * *

Поймав отражённый в зеркале подобострастный взгляд, император вернул своё внимание к докладу:

— На службе у русского царя во флоте много офицеров, имеющих немецкие корни. Неужели среди них не нашлось истинного патриота Германии, и вы ни с кем не смогли наладить продуктивную работу?

— Щепетильность в вопросах чести...

— Вы находите это дурным? — Вильгельм или избразил удивление, или противоречил сам себе.

— Отнюдь... но в работе порой мешает, — офицер весь подобрался — император иногда любил загнать собеседника на игре слов и смыслов, — ваше величество, для того, чтобы получить какую-либо информацию,

не обязательно подвергать благородство испытаниям. Существуют способы непрямого воздействия. Через алкоголь, женщин, да и просто... порой по наивности и вере — многие из российских офицеров и чиновников из остзейских немцев не считают Германию врагом и охотно делятся различными данными...

— Однако... — хозяин кабинета чутко уловил паузу.

— У нас заблаговременно и хорошо подготовленная почва для работы в России.

Вильгельм надменно кивнул, зная, о чём речь.

Давние и тесные контакты Германии и России тому всемерно способствовали.

Русские цари охотно брали на службу германских военных и высокообразованных специалистов. Многие остались на новой родине, обрусев. Но с недавних пор этот процесс, можно сказать, принял организованный характер.

То самое *Drang nach Osten* — движение на восток, выражалось в долговременном плане, разработанном германским генеральным штабом.

Эмиграция немцев и расселение проводились главным образом в западных губерниях, постепенно охватывая и другие области России.

Все намечавшиеся к переселению проходили проверку на благонадёжность в духе германизма, и лишь потом офицеры 3-го бюро (отдел разведки, курировавший Россию) давали разрешение на выезд. Колонистам при этом оказывалась материальная поддержка.

Всячески поощрялось развитие мелкой торговли — купцы-шпионы, сборщики информации, не вызывая подозрений под видом коммерческих дел могли свободно перемещаться по стране, организовывая торговлю в ключевых местах: узлы железных дорог, оборон-

ные объекты, заводы, организации, обслуживающие военные ведомства.

Российское правительство с охотой принимало инвестиции, поощряя развитие немецких мануфактур на своей земле, которые за счёт своей высокой технологичности зачастую вливались или имели влияние на производство и поставки военных материалов.

И каждое германское предприятие, согласно установкам Берлина, должно было принять на работу определённый штат агентов разведки.

В связи со всё большим освоением восточных окраин Российской империи уже со следующего года на деньги Дойче-Банка готовились экспедиции для исследования природных богатств Сибири. Дополнительной задачей им вменялось изучение экономического и хозяйственного потенциала России с точки зрения будущей войны¹.

Эти меры были запланированы уже с непосредственной санкции Вильгельма. Здесь крутились уже его личные деньги.

«А теперь вот ещё и приполярье... и заполярье!» — Император повернулся к чутко застывшему офицеру:

— А как австро-венгерские службы... насколько проявляют активность разведки других стран?

— Эвиденцбюро... — строгий служака впервые позволил себе эмоцию и скривился, — русские всегда были на ножах с австрияками². А британцам, при всех их наработках и потугах, наши возможности даже и не снились...

— Но... — император как-то умудрялся отслеживать каждую смену интонаций собеседника.

¹Всё — реальные факты.

²Evidenzbureau — служба информации (управление военной разведки) Австрийской империи.

— Но если бы не настырный интерес англичан, мы не зацепились бы за это дело. Вот только во всём, что касается темы «северного перехода», наши люди натолкнулись на беспрецедентную закрытость. Пусть отчасти это и объясняется общей секретностью на войне. В данном же случае всё проходит по линии Авелан — Царское Село — император Николай, который практически не покидает пригород...

«Возможно, это связано с рождением наследника», — отвлёкшись, предположил кайзер.

— ...А всё перекрывают люди личного начальника охраны русского императора — вышколенный личный состав, прошедший особый отбор. Петербург полон слухов, но никакой конкретики, никакой новой информации практически не поступает. Только лишь то, что уже было известно ранее.

— Некое американское судно ледового класса, — почти неслышно проговорил Вильгельм и уже немного раздражённо добавил: — Это всё техника! Оставим её специалистам. Вернёмся к Рождественскому. Военные дела!

— Военные планы русских нами были частично отслежены в связи с заказом на доставку угля всё теми же пароходами НАРАГ. Условия директорату компании российским морским ведомством были обозначены довольно чётко и конкретно — даты, сроки ожидания и прибытия, ориентировочные места рандеву. Надо сказать, что русские не скупались, поставив в требование наличие на пароходах-угольщиках беспроводного телеграфа, и более — были даны контактные шифры...

— Вот как?! — Вильгельм услышал для себя нечто новое. — Подход весьма основателен. И как же они обеспечат сохранение конфиденциальности?

— Суда должны находиться в Шанхае, ожидая телеграммы из Петербурга, где и будут указаны координаты точки встречи. Далее связь осуществляется непосредственно с адресантами кодами беспроводного телеграфа.

— Оперативно и... профессионально!

Выждав буквально секунды, оценив, что можно продолжать, начальник разведки перешёл к главному:

— Следующий этап прямого контакта с эскадрой Рождественского ожидался по её прибытию в Тихоокеанский регион... во Владивосток или же, минуя промежуточное рандеву с угольщиками, в сам Порт-Артур. Однако сведения стали поступать много раньше... сразу оговорюсь — немного противоречивые. Первым сигналом послужило отбытие из Владивостока в Петропавловск-Камчатский вспомогательного крейсера «Лена», что, вне всякого сомнения, было связано со временем подхода арктической экспедиции. Пункт назначения «Лены», естественно, не оговаривался, но во Владивостоке у нас давно налаженная сеть...

Здесь можно было не пояснять, император прекрасно был осведомлён о возможностях германской разведки, и через какие каналы она осуществляет свою деятельность.

На первом месте стоял торговый дом «Кунст и Альбертс», захвативший в свои руки почти всю торговлю в восточном регионе России. Совладельцы компании — господа Кунст и Альбертс — вообще выполняли официальные консульские функции, представляя Германию на Дальнем Востоке.

Опять же, многие служащие торгового флота были офицерами запаса германской армии, найдя себе работу и должности в том числе и в Доброфлоте.

— ...к этому времени, — возвращается голос офицера, — во Владивосток уже прибыл столичный упол-

номоченный — адмирал Дубасов. Развернув весьма бурную деятельность, в том числе и с шпиономанией. Несмотря на это, наш человек на телеграфной станции сумел сопоставить получение шифротелеграммы из Петербурга и срочное отбытие «Лены».

— То есть вы хотите сказать, что приказ идти на встречу с северным отрядом поступил из столицы?

— Так точно!

— Такое впечатление, что Рождественский двигался по исключительно чёткому графику, будто пассажирский экспресс «Берлин — Будапешт»! — Император не скрывал своего удивления. — Так подгадать контрольные точки! Оперативная координация просто впечатляет! Далее...

— Далее же... вы знаете. Наместник Алексеев отправляется на крейсере «Рюрик» якобы с инспекцией по камчатскому приморью.

— Почему якобы? — раздался резкий вопрос кайзера.

— Полноценный боевой крейсер — на второстепенное направление, в захолустье? — последовало столь же короткое полувопросительное пояснение, принятое понимающим кивком.

— А вслед за этим, как вам известно, вышло официальное заявление российских властей о гибели крейсера в бою с двумя японскими кораблями...

На этой паузе лицо начальника разведки приобрело некую торжественность, будто обещающая сюрприз:

— И вот только сейчас, сопоставив дату выхода «Рюрика» из Владивостока, время его следования к Камчатке... и поспешное официальное заявление российского морского министерства о потере крейсера, наши аналитики нашли некие нестыковки и разногласия, с учётом расстояний, временных ин-

тервалов, вкупе со скоростными характеристиками судов.

— Почему поспешное?

— Время! Очень натянуто время! Телеграфа в Петропавловске нет. Это точные данные. Как сведения столь быстро могли дойти до Петербурга?

— Миноносцем во Владивосток...

— Нет миноносцев во Владивостоке! А если бы и случился хоть один, о его прибытии нам бы стало сразу известно! Наши люди в порту...

— Быстроходный курьер-авизо, отправленный, например, к ближайшей станции телеграфа в САСШ. Да та же «Лена», — снова перебив, император говорил с лёгкой усмешкой, будто ему нравилось играть в эти догадки. А вот глаза оставались холодными и крайне внимательными.

— Нет. «Лена» не могла побывать в Америке. Судя по сообщениям задержанных нейтралов и панике на рынке коммерческих перевозок, «Лена» сейчас рвёт торговые коммуникации на востоке японского архипелага. Хм. Приди этот вспомогательный крейсер во Владивосток, пожалуй, мы бы имели информацию от непосредственного свидетеля событий. — Тонкое лицо офицера на миг стало задумчивым. Но лишь на миг.

Он сделал специальную паузу, только для того, чтобы, наконец, высказать то, к чему вёл:

— Если присмотреться ещё к некоторым фактам... никак не даёт покоя это официальное и, подчеркну, поспешное заявление морского министерства России о «Рюрике» и японских крейсерах. Я бы... уж простите, ваше величество, выскажу самой изюминой домыслов — складывается такое впечатление, будто русские хотели, чтобы эти сведения поскорей дошли до острова.